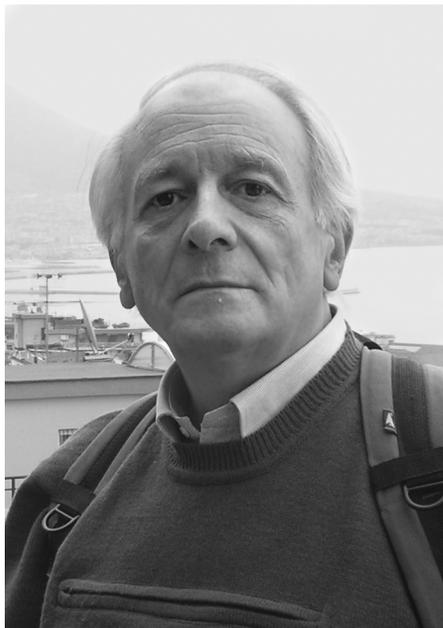

ПАМЯТИ АЛЕНА-ФИЛИППА СЕГОНА (1942–2011)

Я впервые услышал об Алене Сегоне в 1980-х гг. от Чарльза Шмитта и Оуэна Гингерича, восхищавшимися его необыкновенной ученостью, а потом и сам прочитал комментированный перевод Алена на французский язык кеплеровской «Космографической тайны»¹. Известный своей строгостью критик Эдвард Розен написал об этой работе так: «Свойственное Сегону уважение к исторической правде достойно не меньшего восхищения, чем его внимание к специальной литературе на нескольких языках»². Этот перевод весьма непростого трактата действительно совершенен, в том числе благодаря впечатляющему владению сложной математической терминологией. Как переводчик Алэн обладал (как ни прискорбно употреблять этот глагол в прошедшем времени) поразительной способностью сочетать точность с доступностью, которая достигалась не исторически непозволительным «осовремениванием» прошлого, а тонким мастерством, с каким Сегон подводил читателя к его пониманию.

Мы впервые встретились в 1987 г., когда Алэн был приглашенным исследователем в Корпус-Кристи-колледже Кембриджского университета. На следующий год он пригласил меня выступить с докладами о Кеплере в Центре Александра Койре и поработать в его группе в Парижской обсерватории. Тогда у нас возник амбициозный проект, нацеленный на подготовку серии критических изданий, переводов и комментариев дошедших до нас текстов, относящихся к длительной горячей полемике о приоритете в формулировке гео-гелиоцентрической системы мира. Серия, которую мы окрестили «Битвы астрономов» (*La guerre des astronomes*), планировалась для парижского издательства *Les Belles Lettres*. Спор ученых масштаба Кеплера, Урса, Рёслина и Браге привлекал нас прежде всего по двум причинам. Во-первых, в подобных ситуациях спорщики выполняют часть работы историка, раскрывая свои интересы, мнения, предрассудки; во-вторых, само число известных письменных

¹ *Kepler, J. Le secret du monde. Paris, 1984.*

² *Rosen, E. Kepler's Early Writings // Journal of the History of Ideas. 1985. Vol. 46. No. 3. P. 452.*

свидетельств, зачастую очень сложных в текстологическом плане, а также необходимость ездить по миру и выискивать неизведанное воспринимались как серьезный вызов нашему научному любопытству. К нам со временем присоединились Мигель Гранада, специалист по Рёслину, Дитер Лаунерт, известный охотник по неизданным текстам по истории науки и биограф Урса, и наконец Адам Мосли, знаток Браге и его корреспондентов.

В следующие двадцать пять лет мы стали близкими друзьями. Нас объединило пристрастие к ранней истории книги, астрономической иконографии и неоплатонизму (который Ален, в отличие от меня, любителя, изучал профессионально, став специалистом мирового уровня). Были у нас и общие антипатии: к разного рода гуру постмодернизма, ко многим вывескам современной философии, как аналитической, так и континентальной. Ален, впрочем, и здесь проявлял свойственную ему тонкость: он многое принимал в творчестве Фуко, признавал, что Деррида вышел победителем в контрверзе с Сёрлем по поводу теории речевых актов, и, несмотря на неприязнь к хайдеггеровскому наследию, восхищался гадамеровским диалектическим прочтением Платона.

Все эти годы Ален и его жена Мириам были удивительно гостеприимны. В наших беседах Ален никогда не строил из себя профессора, и у меня ушло много лет, чтобы понять реальный масштаб его деятельности в истории философии и филологии. О многом я вообще узнал лишь из некрологов Анри Доминика Сафрэ³, Мишеля Лернера⁴ и из библиографии, опубликованной во французской «Википедии». Прежде всего следует сказать о его критических изданиях и переводах неоплатоников: комментария Прокла на «Алкивиада», сложнейшей «Жизни Пифагора» Ямвлиха, «Исагога» Порфирия (с Аленом де Либера), комментария Дамаския на «Парменида» (с Лендертом Герритом Вестеринком и Жозефом Комбесом). Вскоре Кончетта Луна должна закончить их совместное издание прокловского комментария на «Парменида».

Обратимся теперь к раннему Новому времени. Здесь в активе Сегона участие в переводе «Первого повествования» Ретика (с Анри Югонар-Рошем и Жан-Пьером Верде), перевод «О новой звезде» Тихо Браге, блестящее комментированное издание «Кеплера» Макса Каспара (с Гингеричем), работа над полным собранием сочинений Джордано Бруно в *Les Belles Lettres*. С 1973 г. Ален вместе с Лернером и Верде взялся за критическое издание, перевод и комментирование труда «О вращении небесных сфер» Коперника, и эта фундаментальная работа подходит к концу. Этой публикации давно с нетерпением ждут историки науки, в распоряжении которых на самом деле совсем немного настоящих критических изданий, считающихся чем-то само собой разумеющимся среди коллег-филологов.

Ален был не просто издателем, переводчиком и комментатором. Многие его введения, дополнения, приложения и даже «простые», но зачастую весьма пространные примечания представляют собой оригинальные эссе по истории философии. Его двадцать с небольшим самостоятельных статей – прекрасные произведения, *multa in parvo*, во многих эрудиции хватило бы на монографию. В том, что касается моей собственной профессиональной области, истории

³ Saffrey, H. D. Alain-Philippe Segonds 1942–2011 // The International Journal of the Platonic Tradition. 2011. Vol. 5. No. 2. P. 201–208.

⁴ См.: <http://syrte.obspm.fr/histoire/segonds.php>.

науки раннего Нового времени, я особенно люблю его «Тихо Браге и алхимия», «Кеплер и бесконечность» и «Астрономия земная и небесная у Тихо Браге»⁵.

К коллегам и особенно к студентам Ален проявлял неизменную интеллектуальную щедрость, без усталости правя переводы, помогая транскрибировать рукописи, подсказывая библиографию, проясняя аргументацию, вычитывая диссертации. Единственное, в чем он был почти несносен: невозможно было добиться от него разрешения поставить его фамилию в соавторы, даже когда он делал реально половину твоей работы!

Он не переставал удивлять меня. Как можно было одновременно столь хорошо разбираться в истории производства бумаги и водяных знаков, Раймоне Кено, патафизике, живописи Гюстава Моро и произведениях Ретифа де ла Бретона?! Примерно пятью тысячами рублей я обязан еще одной неожиданно проявившейся стороне его характера. В 2001 г. мы приехали в Санкт-Петербург изучать рукописи Кеплера в Российской академии наук. Как-то вечером в битком набитом метро у меня выхватили кошелек и я закричал: «Ален, на помощь!» *Mirabile dictu*, обычно уравновешенный и не увлекавшийся атлетикой, мой спутник совершил боковой бросок, сильно толкнул обидчика, и кошелек был спасен. Алена потом очень забавлял его собственный подвиг. В тот же день, чуть раньше, мне было явлено еще одно откровение, когда Ален у меня на глазах реконструировал порядок, в котором в рукописи были последовательно стерты интересовавшие нас надписи: при помощи лупы он определил, что край чернильного слоя второй надписи бледнее, чем у первой, – прямо как следы мокрых колес на парковке, заметил мой коллега!

Что (или кто) стоит за столь разнообразной научной деятельностью Алена и его энтузиазмом? Пару раз я задавал ему этот вопрос напрямик, но он неизменно уходил от ответа. Думаю, Платон. Не платонизм форм и идей – во всяком случае не в первую очередь. Восхищаясь платонизирующей историей науки в том виде, в каком ее создал его бывший учитель Александр Койре, Ален, напротив, всегда утверждал, что технология во все времена была двигателем научного развития наравне с идеями. Он не стремился стать царствующим философом. С его библиофильством и привязанностью к рубцу по-овернски и *tarte-tatin* его вряд ли причислишь к аскетам. Его платонизм скорее сродни тому, что объединяло его с Пьером Адо и отцом Андре-Жаном Фестюжьером, его учителями в Высшей практической школе, для которых философия была *образом жизни*. Пожалуй, это главное, что открылось мне в безграничности его поисков и наших с ним бесед, так же как и в диалогах Платона (прочитанных Гадамером), где ответ всегда осторожен и сдержан, но где всегда есть место для новых предположений и новых вопросов.

Н. Джардин

Перевод с английского О. С. Воскобойникова

⁵ *Segonds, A.-Ph. Tycho Brahe et l'alchimie // Alchimie et philosophie à la Renaissance. Paris, 1993. P. 365–378; Segonds A.-Ph. Kepler et l'infini // Infini des philosophes, infini des astronomes. Paris, 1995. P. 21–40; Segonds A.-Ph. Astronomie terrestre / Astronomie céleste chez Tycho Brahe // Nouveau ciel, nouvelle terre. La révolution copernicienne dans l'Allemagne de la Réforme (1530–1630) / Éd. M. A. Granada, E. Mehl. Paris, 2009. P. 109–142.*